

беседы
о мастерстве

СКАЗКА, ТЫ КТО?

Пожалуй, главное в сказках-пьесах Вадима Коростылева — доброта. А причина, видимо, в том, что ему пришлось повидать в жизни не только много хорошего, но и достаточно трудностей. Был он и солдатом-добровольцем, и начальником зимовки в Арктике. И, конечно же, был и остается детским драматургом.

Чтобы взрослые не жаловались, он им тоже кое-что написал. «Через сто лет в березовой роще» — про декабристов, «Шаги командора» — про Пушкина, «Праздник одиночества» — про Пиромани, «Варшавский набат» — про героическую судьбу польского педагога Януша Корчака, «Дон Кихот ведет бой» — про первую русскую экспедицию на Северный полюс.

Но лично для меня Коростылев прежде всего детский драматург. И как увидел я в 1954 году его «Димку-невидимку», которого он придумал со своим другом Михаилом Львовским, так с тех пор с помощью Вадима Николаевича и «впал» в детство. А Вадим Николаевич дает для этого все новые и новые поводы — «Вовка в тридевятом царстве», «Айболит-66», «О чем рассказали волшебники», «Король Пиф-Паф, но не в этом дело», «Вовка на планете «Ялмез» и так далее.

Я заметил у взрослых одну хитрость. Явно используя возрастное положение своего ребенка, они всеми правдами и неправдами стараются попасть на сказку в детский театр. А потом любят рассказывать, какие же дети экспансивные и непосредственные в зрительном зале. Они бы лучше на себя посмотрели — как несолидно там себя ведут. И в этом одна из тайн сказки. Впрочем, у сказки много тайн. И вот о них-то сегодня любезно согласился с нами побеседовать драматург Вадим Николаевич Коростылев.

— Что же такое современная сказка?

— В наше время, когда ракетные корабли бороздят космос, вроде бы не с руки сочинять сказки о ковре-самолете.

Сказка о реке, которая повернула вспять, чтобы помочь людям, это уже не сказка, а быть. Вернее, быт. Быт гидростроителей.

Сказки о далеких звездных мирах были бы очень современными, если бы не научная фантастика. Она более «научная» и менее «фантастика», потому что опирается на крепкие плечи радиотелескопов, лунников, космического телевидения. Читая научно-фантастический роман, дети не раскрывают изумленно глаза, а прищуривают их, нацеливая свою жизнь на физико-математические факультеты.

Старые феи, потрясенные техническим прогрессом, ушли на пенсию и крутят ручки телевизоров.

Подросло новое поколение героев сказок. Лукавые и озорные, они засели в лабора-

ториях и положили под микроскоп человеческое сердце. Они увидели столько неизведанного, что с пылом младших научных сотрудников засучили рукава и принялись за работу.

— Значит, Ганс Христиан Андерсен, по нынешним понятиям, это нечто милое и старомодное?

— Милое? Слабовато. Старомодное? Ни в коем случае. Видите ли, ему было гораздо труднее, чем нынешним сказочникам: он не имел под руками такого академического пособия, как полное собрание сочинений Ганса Христиана Андерсена. Но он прекрасно справлялся с этой трудностью. И он был уже тогда очень современен для сегодняшнего дня. Он рядил тупость, чванство, тунеядство в роскошные королевские мантии. И от этого чванство становилось еще чванливее, а тунеядство еще непригляднее. И я не сказал бы, что эти качества стали уделом давно забытых сказок. Клянусь полным собранием сочинений Ганса Христиана Андерсена!

— И действительно, самый сказочный современный сказочник Евгений Шварц даже повторял, во всяком случае использовал сюжеты Андерсена...

— Сюжеты сказок вечны. Новый сюжет очень трудно придумать. Шварц брал как бы канву Андерсена. И уходил от нее. И начинал разрабатывать характеры, которые в повторении уж никак не упрекнешь. И от характеров возвращался к сюжету. И они уже диктовали изменения самого сюжета, сюжет осмысливался заново. Шварц не просто инсценировал Андерсена, он использовал его сюжеты на более высоком этапе развития человеческого общества, использовал для разговора с современниками.

— И все-таки сюжеты Андерсена?

— Понимаете, счастлив человек, у которого мудрый учитель. Шварц — из мастерской Андерсена, его вдохновение в Андерсене. Сказка — жизнь человеческого духа. А можно и так: сказка человеческого духа, одухотворение жизни. Шварц научился у Андерсена быть ассоциативным и лукавым. Он работает в два адреса — и для детей, и для взрослых. Он обоюдоострый. Так и должно быть в подлинной сказке, именно этим богаты народные сказки. Возьмите «Колобок». Его чуть ли не грудным уже читают. А если чуть подумать над этой сказкой, насытить ее, «Колобок» и в сторону взрослых покатиться может. Шварц — от лукавого. В очень хорошем смысле этого слова. Ах, какое прекрасное качество — уметь озоровать!

— Но при всем озорстве сказка, как правило, оптимистична и благополучна. Хорошо ли это, так сказать, на все случаи жизни?

— Хорошо, если желаешь хорошего. А если дурного, то скверная сказка. Я не ве-

рю, что плохой человек может притвориться и написать хорошую сказку. Он же весь виден. Сказка — это же мечта. А какая может быть у плохого человека мечта?

— Но сказка ассоциативна. В этом ее можно сравнить только с музыкой. Жизнь стала более насыщенной, ассоциации усложнились, обогатились. Как это отразилось на сути сказки?

— Да, скажем, сказка о купце сегодня не срabотает. Не с чем ассоциировать. Те сказки остались в своих исторических условиях. Сказка должна быть жизненной, иначе ей пути не будет. Андерсен назвал свою автобиографическую книгу «Сказка моей жизни». Видите, какие два слова он поставил рядом.

Раньше, скажем, дракон пожирал девушек или требовал дань, наносил, так сказать, материальный ущерб. А вот, скажем, в моей сказке, которая идет в Театре имени Вахтангова, Чудовище — господин несколько иного толка. Ему мало быть самому чудовищем, ему надо, чтобы и другой стал чудовищем: «Очень просто стать чудовищем. Только один раз заставь себя равнодушно посмотреть на чужую беду, только один раз равнодушно пройди мимо человеческих слез, только один раз...»

Проблемы сказки перестали быть, как некогда, одномерными, однозначными: Змей Горыныч — просто плохой, а Иван — просто хороший. Произошло некоторое «разголубление» положительного героя. Скажем, у моего Ивана-не-Великана свои противоречия, свои сложности, внутренний конфликт. Вот, например, в «Короле-олене» Тарталья вроде бы отрицательный персонаж. Но ведь к нему пришла подлинная любовь, как к хорошему человеку. Только эта любовь подвигает его на зло.

— Один скептический мальчик сказал в адрес сказок: «Добро все побеждает, побеждает, а победить никак не может».

(Здесь Вадим Николаевич долго смеялся. Видимо, над драматургом Коростылевым.)

— Помните, доктор Айболит поет: «Но не станем мы в беде ахать или охать. Это даже хорошо, что пока нам плохо». На обозримом пространстве времени зло было, есть и будет. И с ним надо бороться. В этом суть. Добро находится в вечном рыцарском движении. Ему нельзя останавливаться. Так вашему мальчику и передайте.

— Мне приходилось беседовать с прекрасными режиссерами, педагогами, мастерами своего дела. Они категорично считают, что детям нельзя показывать кошмары, нельзя их пугать. Помню по своему опыту, что страшное ничего, кроме ужаса, во мне не порождало.

— Думаю, что прекрасные режиссеры, которых вы упомянули, правы. Надо приучать детей смеяться над

злом, а не бояться его. Что ни говорите, а Бармалей смешон и сам же попадает в расставленные им сети. Смех всегда убийствен для зла. Когда над злом все смеются, ему некуда деться. Смех поднимает человеку состояние духа, заряжает его на поступок в довольно серьезной ситуации. Недаром в тяжелую пору войны появился Василий Теркин, олицетворение светлого начала в человеке. Это ли не сказка человеческого духа?

Ну вот, скажем, Айболит и Бармалей. И у того, и у другого руки, ноги, голова. Ну, Айболит покрасивее. Но ведь не случайно Бармалея мучает вопрос: «А чем я хуже тебя?» Айболита от него отличает не просто доброта, а активная доброта. Доброта ведь не всепрощение, она может быть гневной. Зло гневным быть не может, оно мельче гнева. А доброта имеет право на гнев, и тогда она становится сильнее зла.

— А не слишком ли дети веруют во все то, что происходит на сцене, на экране?

— Дети понимают, что смотрят сказку, но им надо помочь понять «условия игры». Поняв их, они даже как бы продолжают сказку. После одного представления «убитый дракон» вышел расклянчиться. Тут же поступила реплика одного юного создателя: «Значит, он не убит?» Подружка разъярила коллизию: «Ты же видишь — автор и режиссер тоже вышли на сцену. Они уговорили дракона стать хорошим. Он согласился и стал жить». Лучшего конца для своей сказки я бы не мог придумать.

— За тридцатилетнюю службу детям у вас, видимо, накопились претензии к театрам? Например, у меня есть основания сетовать на то, что некоторые театры относятся к детскому репертуару кое-как.

— Лично у меня судьба складывалась благополучно. Но то, о чем вы говорите, к сожалению, наличествует. Тюзы «охватить» всех детей не могут. Да и далеко не во всех городах есть Тюз. Поэтому взрослым театрам вменено в обязательном порядке ставить спектакли для детей. К сожалению, многие коллективы, не перечя этому «обязательному порядку», формально относятся к детству. Сами, что ли, детьми не были или память короткая? Не понимаю. Это же такая радостная, такая благодарная, такая человеческая работа. Я сейчас написал новую пьесу — «Путешествие в старую сказку». Мечтаю, чтобы она попала в добрые руки.

— Каким вам представляется облик сказочника?

— Очень, очень, очень добрый человек. Сказка — не просто карнавал. В ней достаточно и боли. А к боли имеет право прикасаться только врачующий. Иначе... Нет, иначе не может быть.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.